

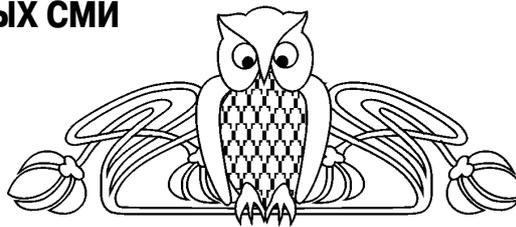

УДК 882.09-04 + 882.09-94 + 929 Солженицын

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗАПАДНЫХ СМИ ГЛАЗАМИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Г.М. Алтынбаева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: gulnarama@list.ru

В статье представлен взгляд А.И. Солженицына на западную журналистику времени его изгнания (1974–1994). Приводятся наблюдения писателя над сходством западных СМИ с советскими в приёмах и принципах работы.

Ключевые слова: русская литература XX века, А.И. Солженицын, мемуары, западная журналистика, советская журналистика.

Western Mass Media Journalistic Technologies in A.I. Solzhenitsyn's Reflections

G.M. Altynbaeva

The article gives A.I. Solzhenitsyn's reflections on Western journalism during his exile (1974–1994). His observations reflect similarities of methods and principles of work in Western and Soviet mass media.

Keywords: XX century Russian literature, A.I. Solzhenitsyn, memoirs, Western mass media, Soviet mass media.

Начиная с 1974 г. оказавшись в эмиграции, Александр Исаевич Солженицын в течение двадцати лет вёл регулярные записи своего пребывания в Европе, а затем в США. Мемуарная книга «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (1974–1994) включает в себя и хронику событий, участником которых был писатель, и путевые заметки, и его взгляд на социальное, общественное, политическое, культурное состояние Европы, Азии, Америки 1970–1990-х гг.

Неоднозначные отношения со средствами массовой информации (СМИ) нашли отражение в мемуарных книгах А.И. Солженицына, в этом диалоге он отстаивает и свою писательскую позицию. В «Зёрнышке» Солженицын часто размышляет о личных контактах с прессой, об её одностороннем восприятии русского писателя. Западные журналисты считали его в первую очередь политическим деятелем, очень редко – публицистом, хотя сам он постоянно утверждал, особенно в изгнанный период, что является, прежде всего, писателем.

Записи Солженицына в «очерках изгнания» и в публицистике тем интереснее, что они не только передают его точку зрения на то или иное издание, но в них ёмко и объективно фиксируются основные черты и приёмы западной журналистики, отмечается её сходство с советской журналистикой и в способах и средствах подачи информации, и в технологиях и стратегиях, которыми они пользуются. Наблюдения, сделанные А.И. Солженицыным в 1970–90-х гг., не потеряли своей

актуальности и сейчас. Тонкие и точные замечания художника, на наш взгляд, будут интересны и полезны современным представителям СМИ.

Попав в 1974 г. в Цюрих, Солженицын оказался под напором прессы. Вот как он говорит об этом в телеинтервью компании CBS: «И почти с этого момента начинается штурм, западная пресса обрушивается на меня. Я ещё не могу в голову вместить того, что произошло, я сотрясён происшедшим, я не имею расположения что-либо заявлять. А они требуют, чтоб я высказывался, будто я приехал с готовыми высказываниями <...> Но вот день за днём пресса от меня не отстаёт, она преследует меня всюду...»¹. Журналисты постоянно требовали от Солженицына высказываний о разных событиях, произошедших в мире, чаще всего политических, не вникая в то, что интервью, во-первых, отнимает у него много времени и «требует найти слитный кусок чувства и мысли, большой концентрации, отдачи, поворота всего существа»², а во-вторых, «дело писателя – писать, а не мельтешить на трибуне, а не давать объяснения газетам»³. «Так – с первого шага, – пишет Солженицын, – мы с западной “медиа” не сдружились. Не поняли друг друга»⁴.

Свою напористость репортеры («стадо бизонов») оправдывали так: «Никак не можем. Нам приказано, если мы не выполним, нас уволят». В этой неубедительной отговорке Солженицын видит корень любого поступка: «Видите, каждая профессия, если она начинает разрушать нравственные нормы жизни, должна сама себя ограничить. Действительно, западную прессу здесь не связывает, не останавливает ничто, никакая полиция, ни власти. Ну, тогда надо ограничить самим себя. Надо сказать: вот тут есть порог, нравственный, вот сейчас отказаться. Всякие достоинства, если предела не поставит, если не ограничить, переходят в недостатки» (1, 93).

Спротивление Солженицына вызвал и «яростный расхват» западной медиа его личной жизни: подслушивание, подсматривание, фотографирование каждого шага писателя. «Вы хуже гебистов!» – возмущённо и отчаянно заключает Солженицын.

Одной из целей всех СМИ является информация. В её добывании Солженицын выделяет и положительные, и отрицательные стороны. Но одно дело – сбор достоверной информации, поиск истины, полная самоотдача делу: «Если

бы каждый корреспондент говорил так: я голову свою положу, пусть мне голову отрубят, но я одно известие, точное, важное, сообщу. Тогда хоть иногда бы что-то важное проходило» (1, 95). Другое дело – погоня за новостью, сенсацией, модным веянием: «Медиа всю душу вкладывают не за глубину – за новость» (2, 130).

Примечательно в этой связи тонкое наблюдение Солженицына, переходящее в изумление: в погоне за сенсацией, в пылу горячей публичной полемики пресса способна «полностью пропустить всё главное», изобретая «такое, чего в речи вообще не было». И здесь играет определённую роль склонность западных СМИ к использованию клише, штампов, всего, что диктует мода. Солженицын замечает: «В нынешней журналистике, в политике совершенно забыли, понятия не имеют, но даже в литературе утеряно, что значит говорить о своих ошибках, промахах, а тем более пороках, – так не делает у них теперь никто и никогда» (2, 159).

И здесь возникает закономерный вопрос, который Солженицын задаёт: «Какая у журналиста и газеты ответственность перед читающей публикой или перед историей? Если они неверной информацией или неверными заключениями повели общественное мнение по неверному пути <...> – известны ли случаи публичного потом раскаяния этого журналиста или этой газеты? Нет, это подорвало бы продажу»⁵. В этой связи Солженицын говорит о «недобросовестности» западных СМИ: «Я – как ужаленный: ну что за гадство? Ну, что такое эта пресса? Ну как можно жить среди этих чудовищ: ни слова правды!» (4, 83). Недобросовестность и страх журналиста лишают читателя истинной информации: «Но если каждый, почти каждый корреспондент боится или опасается, если почти каждый корреспондент даёт поверхностные, скучные вещи, сидит, обрабатывает советскую прессу, из неё что-то возьмёт, на поверхности, а иногда и прямой обман...» (1, 96).

У считающих себя свободными от цензурных запретов западных СМИ всё-таки, как зорко подметил Солженицын, «обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы, и всё это вместе действует не соревновательно, а унифицированно. Безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей: достаточно выпукло и звучно газеты передают только те мнения, которые не слишком противоречат их собственным и этому общему направлению» (5, 245).

Нельзя сказать, что западные СМИ независимо существуют в мире информации. В этом, по наблюдению Солженицына, их сближение с советскими СМИ. О положении прессы в Советском Союзе читаем: «Пресса в Советском Союзе? Но вы сами понимаете, что пресса у нас пишет то, что надо правительству, никогда ничего другого. Значит, пресса не может предупредить

ни о чём. Парламент? Вы понимаете также, что и парламент наш не контролирует правительства. Тогда, может быть, – западная пресса? Но я вам сказал, что западная пресса именно на Востоке в истинное положение вникнуть не может. Западная пресса не предупреждает вас о том, что делается в Советском Союзе. Остаётся, простите, доверие» (1, 108).

Над западными СМИ существует более опасный аналог советской цензуры, о чём Солженицын очень серьёзно говорит: «Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных – и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр. Дух ваших исследователей свободен юридически – но обставлен идолами сегодняшней моды. Не прямым насилием, как на Востоке, но этим отбором моды, необходимостью угождать массовым стандартам устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие» (5, 245). Мы видим, что Солженицын подчеркнул и опасность манипулирования массовым сознанием, а кроме того, по его наблюдению, «пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение и воспитать его извращённо» (5, 244). Т.е. западная пресса существует не по законам совести, а по законам рынка: добыть сенсацию, чтобы скорее продать её; «коммерческие интересы душат духовную жизнь».

В своем творчестве А.И. Солженицын не раз обращался (в разных жанрах) к проблеме свободы: свободы выбора, свободы самовыражения, свободы поступка. Краеугольным камнем СМИ, неоднозначно их характеризующим, является именно свобода слова. И опять-таки, с одной стороны, именно Запад характеризуется неограниченной свободой самовыражения. На это и надеялся Солженицын. Но что он видит? «Какой смыв с Советами!.. Когда выгодно использовать клевету, чем эти две мировые силы, коммунизм и демократия, так уж друг от друга отличаются? Переброшенный в свободную Америку, с её цветущим, как я думал, разнообразием мнений, никак не мог я ожидать, что именно здесь буду обложен тупой и дремучей клеветой – не слабее советской! Но советской прессе хоть никто не верит, а здешней верят, – и ни один западный журналист и почти ни один «славист» не взял на себя честный труд поискать, найти: ну где-либо у меня подобное написано? сказано? а есть ли хоть грамм правды в том?» (2, 159).

«С западными журналистами не намного трудней, чем с советскими бонзами: в общем, всегда известно, что у них дежурное, на кончике языка»⁶.

«Особенно своевластна пресса, никем не избираемая, но приобретающая силу больше законода-

тельной, исполнительной или судебной власти. А в самой *свободной* прессе доминирует не истинная свобода мнений, но диктат политической моды – к неожиданному однообразию мнений (тут-то я более всего их раздражил)»⁷.

«И со странным ощущением мы, люди из Советского Союза, смотрим на нынешний Запад: как будто не соседи по планете, не современники, мы смотрим – из вашего будущего, или – на наше прошлое, 70-летней давности, которое вдруг повторяется. Всё то же, всё то же видим мы: <...> безответственность журналистов за метаемые слова <...>»⁸. И еще: «Ваши органы печати, знаменитые своими традициями, публикуют немало анализов и комментариев, вызывающих стыд мелкостью мысли, недалечностью взора» (8, 195). Декларируемая свобода прессы оказывается столь же ограничена, ангажирована, но не единственным правительством, партией (как в Советском Союзе), а рыночными отношениями, многообразием. Всё продаётся. Поэтому-то и почувствовал себя Солженицын товаром на рынке сенсаций, новостей. А как только спал к нему интерес, то и спрос со стороны прессы сразу охладел, снова вспыхнув в 1994 году – в период возвращения писателя на родину.

Ради справедливости следует всё же отметить, что Солженицын не только критически относится к западным СМИ. В начале своего изгнания он пишет: «Надо сразу сказать: западная пресса помогла мне, Сахарову, всем нам выстаивать годами, а особенно помогла в августе-сентябре прошлого года. Так что я, конечно, могу быть западной прессе только благодарен. Но свежими глазами иногда можно увидеть то, чего люди, живущие постоянно, – не видят» (1, 92). Добавим, что и *свободу* западной прессы Солженицын называет положительным её качеством, но опять-таки с определённой оговоркой: «Не только не критикую свободу прессы, наоборот, я считаю это величайшим благом, что она такая на Западе. Но я вот о чём: с одной стороны, не только пресса, но и всякая профессия, но и всякий человек должен уметь пользоваться своей свободой и сам себе находить остановку, нравственный предел. А с другой стороны, я настаиваю, что если пресса имеет такую свободу на Западе, то она должна отстаивать свою свободу, когда попадает на Восток. Какие бы на Востоке условия ни были, но если пресса привыкла к свободе – осуществляйте свободу и там» (1, 96).

Наивысшей точкой ответственности для А.И. Солженицына является «жить не по лжи», а кроме того – «раскаяние и самоограничение», ведь «лишь с раскаяния может начаться и духовный рост», а самоограничение есть «выбор вглубь..., к расцвету внутреннему, а не внешнему», потому что «свою внутреннюю свободу мы можем твердо осуществлять даже и в среде внешне несвободной»⁹. Поэтому-то и не принимает писатель безответственное самовыражение. Он с сожалением констатирует: «Но у нас, не только в

Советском Союзе, но и в современной западной общественной деятельности, раскаяние вообще не принято. Ни политические деятели, ни публицисты, ни журналисты не указывают про себя – «я ошибался», я был не прав, я совершил такой-то грех, некрасивый поступок... Но все заняты разоблачением других. И наша эмиграция, советская, тоже подчиняется этому закону. Они разоблачают советский режим, как будто сами они в нём не участвовали, не помогали. Но они все участвовали в нём, и каждый вложил свой вклад в этот ужас. Так вот, вместо того чтобы указать на свои грехи, они, пользуясь тем, что я о себе рассказываю, – «посмотрите, какой он плохой человек, он даже сам о себе пишет»»¹⁰.

Таким образом, Солженицын неизменно говорит о необходимости соблюдения нравственных норм, о проблеме ответственности перед собеседником, адресатом в любой профессии и любой ситуации.

Солженицын видит механизмы работы западных СМИ, постоянно перепроверяет их с нравственной точки зрения.

Ответственность, служение и свобода – центральные для Солженицына этико-философские категории. Проблема ответственности рассматривается им не только в общеэстетическом или нравственном аспектах, но и в аспекте «технологии» художнического труда. Проблема ответственности в эстетике Солженицына неотделима от проблемы свободы.

Самоограничение, по-Солженицыну, должно распространяться на все стороны жизни человека. Писатель говорит о внедрении самоограничения не только в жизнь отдельного человека, но общества в целом, его социальных (профессиональных) групп (в данном случае – СМИ). А.И. Солженицын выступает за то, чтобы свобода не переходила во вседозволенность: должен быть внутренний «ограничительный нерв», так как «самоограничение есть свобода личности».

Солженицын постоянно призывает к «высокой ответственности», и не только писателей. Не в меньшей степени он мобилизует к этому критиков и журналистов, слово которых технически, масштабами и способами воздействия (посредством СМИ, Интернет) более доступно/частотно для читателя, слушателя, зрителя, особенно молодого поколения.

А.И. Солженицына огорчает уклон современной культуры к массовости. В «очерках изгнания» с сожалением констатируется факт, что в первую очередь западные СМИ, книгоиздательство и книгороторгавля направлены на массовость, что пагубно для литературы и культуры в целом. Он пишет: «В таких условиях великая литература появиться не может, не ждите, она кончилась – несмотря на неограниченные “свободы”»¹¹.

Когда читаешь размышления Солженицына о западных и советских СМИ, возникает вопрос: какие же свойства присущи журналистике во-

обще, а какие – западной? В итоге приходим к выводу, что выделенные и охарактеризованные А.И. Солженицыным отрицательные черты (напористость, безответственное самовыражение и т.д.) – не свойства журналистики как таковой. Речь здесь идёт о том, что media является зеркалом современного общества. Тут возникает проблема границы: где здесь неизбежность ремесла, где совесть человека, а где грязное политиканство.

Острые суждения А.И. Солженицына о журналистике как таковой и о западной, в частности, ещё будут вызывать несогласия и споры, но, как нам кажется, внимание к этим суждениям поможет, во-первых, *читателям* понять технологии, стратегии, с помощью которых работают современные СМИ, во-вторых, даст возможность *самим СМИ* увидеть свои ошибки и вовремя их исправить.

В завершение приведу слова Александра Исаевича Солженицына, произнесённые им при получении премии «Фонда Свободы» (Стэнфорд, 1 июня 1976): «Подлинно человеческая свобода – есть от Бога нам данная свобода *внутренняя*, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них.

И истинно понимает свободу не тот, кто спешит корыстно использовать свои юридические права, а тот, кто имеет совесть ограничить самого себя и при юридической правоте. Не тот, кто спешит выиграть благоприятный судебный процесс, но кто имеет благородство отказаться от него, – напротив: публично открывать свои промахи или проступки. То, что называлось стародавним и теперь уже странным словом – *честь*»¹².

Примечания

- ¹ *Солженицын А.И.* Из телеинтервью компании CBS (17 июня 1974) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996. С. 92. Далее цитируется это издание, страницы указываются в круглых скобках.
- ² *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 2000. № 9. С. 130.
- ³ *Солженицын А.* Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 103.
- ⁴ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 9. С. 48.
- ⁵ *Солженицын А.И.* Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета, 8 июня 1978 // Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М., 2001. С. 244. Далее цитируется это издание с указанием страниц в круглых скобках..
- ⁶ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 2000. № 12. С. 126.
- ⁷ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1999. № 2. С. 101.
- ⁸ *Солженицын А.И.* Выступление по английскому радио, Лондон, 26 февраля 1976 // Солженицын А.И. Собр. соч. Т. 7. С. 189.
- ⁹ *Солженицын А.И.* На возврате дыхания и сознания // *Солженицын А.И.* Собр. соч. Т. 7. С. 56.
- ¹⁰ *Солженицын А.И.* Интервью с Хилтоном Крамером, критиком «Нью-Йорк Таймс» (20 апреля 1980) // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 2. С. 538.
- ¹¹ *Солженицын А.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Новый мир. 1998. № 11. С. 118.
- ¹² *Солженицын А.И.* Слово при получении премии «Фонда Свободы», Стэнфорд, 1 июня 1976 // Солженицын А.И. Собр. соч. Т. 7. С. 232–233.